

Научная статья

УДК 347.9

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-88-96>

ДОБРОСОВЕЩНОСТЬ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В РАБОТЕ СУДЕБНОГО ПРИСТАВА-ИСПОЛНИТЕЛЯ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Юрий Александрович Слепухин^{1,2}

¹ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

² Институт технологий управления «МИРЭА – Российский технологический университет», 119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, д. 78
yura-slepuhin@yandex.ru

Аннотация

Принудительное исполнение судебных решений, в основной массе, является заключительным этапом многомесячной, а иногда и многолетней работы. От своевременности и профессиональности действий судебного пристава-исполнителя с использованием всех предоставленных ему государством возможностей и полномочий зависит как потенциальная возможность, так и полнота и объем удовлетворения требований взыскателя. Целью работы является исследование проблемы отсутствия закреплённого принципа добросовестности в профильном законодательстве (Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»). Используются историко-правовой, формально-логический, теоретико-прогностический методы. Делается вывод, что использование принципа добросовестности в качестве критерия работы судебного пристава позволит увеличить вероятность воплощения в жизнь требований заявителя.

Ключевые слова: принцип; добросовестность; гражданский процесс; принудительное исполнение судебного акта.

Для цитирования: Слепухин Ю. А. Добросовестность и ее проявление в работе судебного пристава-исполнителя при исполнении служебных обязаннос-

тей // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 88–96. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-88-96>

Research Article

INTEGRITY AND ITS MANIFESTATION IN THE WORK OF A BAILIFF IN THE PERFORMANCE OF OFFICIAL DUTIES

Yuri A. Slepukhin^{1,2}

¹ All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia

² Institute of Management Technologies “MIREA – Russian Technological University”,
78 Vernadskii Ave., Moscow, 119454, Russia
yura-slepuhin@yandex.ru

Abstract

The enforcement of court decisions, for the most part, is the final stage of months and sometimes years of work. The timeliness and professionalism of the bailiff's actions, using all the opportunities and powers provided to him by the state, determines both the potential, completeness, and volume of satisfaction of the claimant's claims. The purpose of the work is to study the problem of the lack of a fixed principle of good faith in the relevant legislation (Federal Law of October 2, 2007 No. 229-FZ “On Enforcement Proceedings”). Historical-legal, formal-logical, theoretical-predictive methods are used. It is concluded that using the principle of good faith as a criterion for the bailiff's work will increase the likelihood of the applicant's claims being implemented.

Keywords: principle; good faith; civil procedure; compulsory execution of a judicial act.

For citation: *Slepukhin Yu. A. Integrity and its Manifestation in the Work of a Bailiff in the Performance of Official Duties. Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 2, pp. 88–96. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-88-96>

Введение

Одним из препятствий на пути к восстановлению нарушенного права встает сам процесс принудительного исполнения уполномоченным субъектом. Статистика исполнения показывает, что большинство требований взыскателей и иных обра-

тившихся лиц не осуществляется или реализуется не в полной мере. Большая загруженность работников ФССП России ставит их в условия, когда подход к осуществлению своих обязанностей становится формальным. В результате сложившейся тенденции совершаются ошибки, приводящие к тому, что претворение в жизнь указанных актов становится невозможным. В таком случае наступает процедура окончания исполнительного производства, например, ввиду невозможности исполнения в связи с отсутствием имущества. Совокупность негативных последствий ведет к возникновению убытков у обратившихся лиц. Как следствие, возникает проблема практической реализации требований, которые были приняты в рамках ранее вынесенного судебного или иного правоприменительного акта.

Анализ данных ФССП России по одному из показателей ведомственной статистики – «взыскание долгов с физических лиц по кредитам и займам» [1] – наглядно демонстрирует возрастающую динамику по количеству производств и объему взыскания. По совокупности первых трех кварталов 2024 г. в данной категории было открыто 10,9 млн производств на сумму 1,44 млрд, что на 11,6% больше, чем в прошлом году, и на 34,2% больше по общей задолженности. Сумма неисполненных обязательств превысила показатель за весь 2023 г. Всего на исполнении находилось 24,4 млн производств на сумму 3,37 млрд руб., включая остаток дел с прошлых периодов [1]. В связи с этим очевидной представляется необходимость трансформации законодательства для улучшения процесса исполнения судебных актов и актов иных органов. Это весьма непростой и длительный процесс, и тут уместно вспомнить высказывание И. Б. Новицкого, отмечавшего, что «все идеалы, как известно, имеют ту особенность, что они далеки от осуществления, они как маяки, указывают нам надлежащую дорогу, но сами пока недостижимы» [2, с. 64].

Рассматривая принцип добросовестности, Д. В. Дождев писал: «Диалогичность правосознания – это когда абстрактная норма и индивидуальное представление о норме пребывают в процессе постоянной взаимной корректировки» [3, с. 96]. Данное утверждение интересно тем, что субъект правоотношений осуществляет корреляцию своих действий к конкретному принципу, основываясь на заложенных в нем критериях. Как раз для осуществления этой возможности необходимо закрепить в профильном законодательстве сам принцип и установить для него предметную область относительно структуры профильного законодательства. Исходя из вышеперечисленного будут создаваться определенные реперные точки, на которые мог бы ориентироваться сотрудник при исполнении своих должностных обязанностей.

1. Исторические предпосылки и проявления категории добросовестности

Концепция добросовестности в современном гражданском праве России берет свое начало из римского частного права. В нем можно найти множество примеров регулирования отношений по защите прав с помощью исков (*bona fides*) доброй совести, как в эпоху доклассического, так и в эпоху классического периода.

В России с XVII в. в гражданском праве начали появляться моральные нормы, которые были закреплены в Соборном уложении 1649 г. В этом документе появляется термин «добрые намерения», который связан с возможностью оспорить сделку. Доб-

росовестный владелец имел право не возвращать доходы, полученные от владения, за тот период, пока ему не было известно о незаконности владения [4, с. 336].

Использование «совести» в качестве способа оценки и определения правомерности поведения сторон впервые было предложено в проекте Гражданского уложения эпохи правления Александра III на рубеже XIX и XX вв. Согласно ст. 50 данного документа договоры, не соответствующие общепринятым нормам морали, признавались юридически недействительными [2, с. 124]. Несмотря на прогрессивные идеи гражданского права, актуальные в то время, проект Гражданского уложения так и не был принят. Труды лучших представителей юридической науки того периода не принесли ожидаемых результатов.

Период социалистического общества наложил свой отпечаток и на трансформацию права. В Гражданском кодексе РСФСР, принятом в 1922 г., появилось важное нововведение: «Приобретатель признается добросовестным, если он не знал и не должен был знать, что лицо, от которого он приобретает вещь, не имело права ее отчуждать» [5]. В. П. Грибанов указывал, что «принцип добросовестности заключается в том, что субъекты права не должны совершать действия, противоречащие правилам социалистического общежития и нормам морали» [6, с. 411]. Рассмотрение самого принципа переходило в плоскость честности и порядочности. Выделялись такие критерии, как: личные пороки – проявление трусости, жадности, лживости, грубости в отношениях с другими людьми; иждивенческие настроения – стремление получать больше, чем даешь обществу, нежелание вносить вклад в общее дело; циничное поведение – проявление неуважения к моральным ценностям и традициям. Участники правовых отношений должны избегать поступков, которые идут вразрез с принципами социалистического образа жизни и нормами морали. А. А. Чукреев, рассуждая о принципе добросовестности, выделял «должную заботливость о соблюдении прав и законных интересов других участников имущественного оборота» [7, с. 103]. Опираясь всего лишь на один определенный критерий при рассмотрении «принципа», представляется сомнительной возможность оценить, соответствует ли поведение участников правоотношений «принципу добросовестности».

Каждая эпоха отражается в оценке тех или иных явлений исходя из мировоззрений, присущих данному периоду времени. Правовые концепции Российской империи при своем построении исходили в том числе из сословного права, которое предусматривало различные правовые статусы для дворян, духовенства, крестьян, мещан и других сословий. Концепции советского периода в своей основе опирались на социалистическое правосознание, включающее приоритет социалистических ценностей. Изучение взглядов, сложившихся в различные исторические периоды, позволяет расширить спектр восприятия самого правового явления и поэтому должно быть неотъемлемой частью исследования как составляющей истории гражданского права. Без них было бы невозможно полностью понять, как формировался принцип добросовестности в историческом и доктринальном аспектах.

На современном этапе развития законодательства принцип добросовестности получил закрепление как в основах гражданского законодательства России (ст. 1, 10 Гражданского кодекса РФ), так и в профильных институтах. Например, «рассматриваемый принцип нормативно закреплен в федеральных законах «О рекламе»,

«О рынке ценных бумаг», «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», «Об акционерных обществах» и др.» [8]. Генезис происхождения, становления и закрепления «добросовестности» как общего принципа права и принципа права специальных институтов показывает наличие глубокой фундаментальной основы данного принципа как института оценки поведения сторон в правоотношениях.

2. Добросовестность в деятельности судебного пристава-исполнителя

Добросовестность в деятельности судебного пристава входит в требования Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации [9]. Согласно п. 2.1.7 сотрудник должен «выполнять служебные обязанности добросовестно, на высоком профессиональном уровне» [9]. В соответствии с п. 4.1.1 он должен «быть примером профессионализма, добросовестного выполнения служебных обязанностей, образцового соблюдения этических норм и требований, служебной дисциплины и законности» [9]. На основании п. 4.1.5 он должен «побуждать подчиненных к совершенствованию личностных и деловых качеств, доброжелательно и умело мотивировать их к добросовестному осуществлению служебной деятельности» [9].

К общим критериям добросовестности при исполнении служебных обязанностей можно отнести культурное, тактичное и корректное общение с лицами, обратившимися за содействием в осуществлении процедур принудительного исполнения. Во время исполнения служебных обязанностей, а также в свободное от работы время, необходимо повышать свою квалификацию и компетентность. В своих действиях следует исходить из того, что от профессиональных качеств зависит обеспечение и соблюдение закрепленных гарантий исполнимости судебных и несудебных актов. Руководствуясь законом, нельзя отдавать предпочтения сторонам в исполнительном производстве. Необходимо исключать поступки, ставящие под сомнение объективность и беспристрастность сотрудника.

Безусловно, сотрудник должен иметь ориентиры, которыми он руководствуется при исполнении служебных обязанностей. При этом исполнение может быть формальным, а может быть добросовестным. Спектром данного понятия в контексте указанных правоотношений могли бы служить: личное, ответственное, вдумчивое, творческое, инициативное отношение к обязанностям.

И. Кант, проводя черту между человеком и животным, указывал на движущий индивидуумом фактор, который у человека заключается в наличии воли, обуславливающей возможность руководства разумом, а не эмоциями и чувствами. Осознанность в своих действиях позволяет человеку совершать поступки согласно нормам права, «установленным принципам» [10, с. 250]. И. Кант делает акцент на добровольном подчинении (самопонижении) нравственным обязательствам: «долг есть необходимость [совершения] поступка из уважения к закону» [10, с. 236]. Тем самым это отличает моральный поступок от легального – простого исполнения вменяемых человеку внешних требований.

Проецируя этот тезис на судебного пристава, нравственным можно назвать лишь поступок, который совершается исключительно из уважения к морально-

му закону. Он должен быть совершен из чувства долга, т.е. ради самого закона как единственного критерия, определяющего волю человека. В качестве примера можно привести норму п. 5 ст. 64.1 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», согласно которой должностное лицо службы судебных приставов рассматривает заявление, ходатайство в десятидневный срок со дня поступления к нему заявления, ходатайства. Так, легальным будет ответ и в последний день предоставленного законом периода. При этом, применяя моральный закон, используя критерий добросовестности, судебный пристав-исполнитель должен рассмотреть поступившее заявление с минимальными задержками, т.е. неотлагательно, согласно очередности поступающих заявлений и наличия времени от исполнения иных должностных обязанностей.

Несмотря на то что для И. Канта нравственность является выражением метафизической, а не эмпирической природы человека, полагаем, что качества в человеке могут вырабатываться под условием внешнего воздействия, в том числе и добросовестность. Человек с детства привыкает действовать согласно установленным алгоритмам поведения. Через определенный промежуток времени, когда алгоритмы доведены до автоматизма, поведение переходит на бессознательный уровень.

При установлении в профильном законодательстве критерия добросовестности субъекты исполнительного производства получают возможность оспаривать действия, бездействие судебного пристава-исполнителя, в том числе используя данное основание. Появление такого аргумента, как «вы действуете в пределах закона, но действуете недобросовестно», постепенно будет заставлять субъекта правоотношений изменяться. Закон перехода количественных изменений в качественные был описан в диалектике Г. Гегеля. Таким образом, накопление негативного для себя опыта, выражающегося в поступлении заявлений о недобросовестности, заставит доказывать свою добросовестность, показывая реальную загруженность в производстве, либо действовать незамедлительно.

3. Оценка действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя через критерий недобросовестности

Понимание правовой нормы, категории, вырабатывается как совокупностью обоснований, исходящих из доктринальных изысканий, так и из совокупности доказательств и доказывания судебной практики, которая сама часто служит эмпирической базой проводимых исследований. В профильном законодательстве отсутствует критерий добросовестного (недобросовестного) поведения судебного пристава-исполнителя. К добросовестному поведению, безусловно, можно отнести выполнение всего спектра должностных обязанностей, возложенных на судебного пристава-исполнителя, с должной внимательностью, эффективностью и оперативностью. Антиподом данному поведению будет недобросовестность при исполнении должностных обязанностей, которая может выразиться как в действии, так и в бездействии.

Следующие примеры показывают наличие нарушений при исполнении должностных обязанностей судебными приставами, что могло бы быть квалифицировано как недобросовестное поведение. В первом примере пристав неправомерно распорядился возвращенными денежными средствами, чем причинил банку

убытки. Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ 16 февраля 2023 г. рассмотрено в судебном заседании гражданское дело по обращению ПАО «Сбербанк России» (далее – Банк) к ФССП России и ГУ ФССП по МО «о возмещении убытков, причиненных действиями судебного пристава-исполнителя» [11]. По итогам рассмотрения указанного дела Судебная коллегия указала на то, что суд не учел, что «наличие задолженности у должника перед Банком само по себе не исключает причинения вреда Банку незаконными действиями судебного пристава-исполнителя, выразившимися в утрате имущества должника, и обязанности его возместить» [11]. Дело отправлено на пересмотр с указанием ответственности судебного пристава.

Второй пример. На основании решения Кировского районного суда г. Екатеринбурга по производству № 2а-719/2020 [12] было установлено незаконное бездействие руководителя Управления ФССП по Свердловской области – главного судебного пристава Свердловской области. Заявитель оспаривал бездействие, полагая, что жалоба, направленная в порядке подчиненности, надлежащим образом не была рассмотрена, так как ответ по существу жалобы не был дан. Соответствующее постановление не было вынесено, также были нарушены сроки ее рассмотрения. Поступившее заявление в УФССП по СО было неверно квалифицировано, в результате чего присвоен статус «обращение», а не «жалоба». В данном случае «обращение» – это общеупотребительное понятие, оно может быть выражено как обращение, жалоба, заявление, ходатайство.

Как установлено в судебном заседании, доказательств направления соответствующего ответа административным ответчиком не представлено. Жалоба на действия (бездействие) должностного лица в лице старшего судебного пристава – начальника отдела, подается судебному приставу субъекта (главному судебному приставу субъектов) Российской Федерации (ст. 123 ФЗ), следовательно, данное должностное лицо и должно было рассмотреть данную жалобу, а не расценивать ее как обращение. В свою очередь, начальник отдела по работе с обращениями граждан не обладал полномочиями по рассмотрению данных требований жалобы.

Вышеуказанные примеры судебной практики уже, по сути, обосновывают вынесение судебных актов с применением принципа добросовестности, что в очередной раз подтверждает необходимость в закреплении как принципа добросовестности, так и его дефиниции на законодательном уровне в профильном институте исполнительного законодательства. Отсутствие данного принципа лишает суд возможности сослаться на него в мотивировочной части как на критерий оценки действия субъекта права.

Заключение

Введение принципа добросовестности в различных институтах гражданского права показало положительную динамику, а именно дало дополнительный инструмент оценки работы субъектов гражданского оборота.

Закрепление предложенного принципа на законодательном уровне в исполнительном производстве, в том числе установление категориального аппарата через описание возможных действий (как добросовестных, так и недобросовест-

ных), создает эффективный инструмент, который может существенно повлиять на работу данного института и повысить ответственность как работников, так и сторон исполнительного производства. Возникает возможность осуществления таких мероприятий, как оспаривание в административном или судебном порядке недобросовестного поведения стороны, подача жалоб на недобросовестное поведение сотрудников в исполнительном производстве, и тем самым влиять на механизм работы самой системы. Накопление данного опыта будет создавать кумулятивный эффект, обусловленный совокупностью количественных факторов (обращений граждан), что от количественных изменений даст возможность перехода к новому качеству работы аппарата.

Совокупность указанных действий позволит формировать модель поведения как субъектов исполнительного производства, так и сотрудников исполнительного производства, стимулировать работу к добросовестному поведению.

Пристатейный библиографический список

1. Ведомственная статистика ФССП // Федеральная служба судебных приставов : сайт. URL: https://fssp.gov.ru/deals/osnovnye_rezultaty_deyatelnosti_federalnojj_sluzhby_sudebnykh_prstavov/statistics (дата обращения: 26.03.2025).
2. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 6.
3. Дождев Д. В. Добросовестность (bona fides) как правовой принцип // Политико-правовые ценности: история и современность / под ред. В. С. Нерсисянца. М. : Эдиториал УРСС, 2000.
4. Тютрюмов И. М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего сената и комментариями русских юристов. М. : Статут, 2004.
5. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. // Известия ВЦИК. 1922. 12 нояб. № 256.
6. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000.
7. Чукреев А. А. Добросовестность в системе принципов гражданского права // Журнал российского права. 2002. № 11.
8. Голубцов В. Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32.
9. Приказ ФССП России от 21 мая 2021 г. № 248 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М. : Мысль, 1965.
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 ноября 2022 г. № 5-КГ22-111-К2 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Решение Кировского районного суда г. Екатеринбурга от 10 февраля 2020 г. по делу № 66RS0003-01-2019-007058-56 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Departmental Statistics of the FSSP. URL: https://fssp.gov.ru/deals/osnovnye_rezultaty_deyatelnosti_federalnojj_sluzhby_sudebnykh_pristavov/statistics (date of the application: 26.03.2025). (In Russ.)
2. Novitskii I. B. The Principle of Good Conscience in the Draft Law of Obligations. *Civil Law Review*, 2006, no. 6. (In Russ.)
3. Dozhdev D. V. Good Faith (*Bona Fides*) as a Legal Principle. In Nersesiants V. S. (ed.). *Political and Legal Values: History and Modernity*. Moscow: Editorial URSS, 2000. (In Russ.)
4. Tiutriumov I. M. *Civil Laws with Explanations of the Governing Senate and Commentaries of Russian Lawyers*. Moscow: Statut, 2004. (In Russ.)
5. Civil Code of the RSFSR of 1922. *Izvestiia of the All-Russian Central Executive Committee*, November 12, 1922, no. 256. (In Russ.)
6. Gribanov V. P. *Implementation and Protection of Civil Rights*. Moscow: Statut, 2000. (In Russ.)
7. Chukreev A. A. Good Faith in the System of Civil Law Principles. *Journal of Russian Law*, 2002, no. 11. (In Russ.)
8. Golubtsov V. G. The Principle of Good Faith as an Element of the Legal Mechanism for Incentives for the Debtor to Properly Fulfill Obligations and Guarantee the Interests of Creditors: Analysis of Judicial and Arbitration Practice. *Bulletin of Perm University. Legal Sciences*, 2016, iss. 32. (In Russ.)
9. Order of the Federal Bailiffs Service of Russia of May 21, 2021 No. 248 "On Approval of the Code of Ethics and Official Conduct of Employees of Enforcement Bodies of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
10. Kant I. *Works*. In 6 vols. Vol. 4. Part 1. Moscow: Mysl, 1965. (In Russ.)
11. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of November 22, 2022 No. 5-KG22-111-K2 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
12. Decision of the Kirovsky District Court of Yekaterinburg of February 10, 2020 in Case No. 66RS0003-01-2019-007058-56 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Ю. А. Слепухин – старший преподаватель.

Information about the author:

Yu. A. Slepukhin – Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 22.10.2025; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 22.09.2025; approved after reviewing 22.10.2025; accepted for publication 20.03.2026.